

Виктория Мочалова

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Кандидат филологических наук, заведующая Центром славяно-иудаики

Института славяноведения РАН

E-mail: vicmos@gmail.com

ID ORCID: 0000-0002-3429-222X

Еврейская тема у «поджигателей столиц» – Поля Морана и Бруно Ясенского

Аннотация: Рассказ французского писателя Поля Морана «Я жгу Москву» (1925) послужил импульсом для написания романа польского писателя Бруно Ясенского «Я жгу Париж» (1928). При всех очевидных различиях обоих произведений (рассказ и роман), их сближают некоторые значимые темы. В статье рассмотрена еврейская тема, играющая существенную роль в обоих сюжетах, различные стратегии еврейских персонажей (ассимиляция и исход).

Ключевые слова: Поль Моран, Бруно Ясенский, революция, еврейская ассимиляция и изоляционизм

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.2.1

Рассказ известного французского писателя, поэта-символиста и дипломата Поля Морана (Paul Morand, 1888–1976)¹ «Я жгу Москву» («Je brûle Moscou») [Morand 1925], один из четырнадцати включенных в его сборник «Галантная Европа» («L'Europe galante»)², послужил импульсом для написания романа со сходным названием «Я жгу Париж» («Je brûle Paris») [Jasienski 1928] польского поэта-футуриста [Antologia 1978], писателя,

---

¹ См. о нем на сайте Французской Академии, членом которой он был избран в 1968 г.: <http://www.academie-francaise.fr/les-immortels/paul-morand?fautueil=11&election=24-10-1968>.

² Оставим сейчас в стороне семантическую многозначность глагола brûler (=жечь, гореть 'желанием', томиться, посещать; a brûler la politesse – уйти, не прощаясь, что и происходит с героем в финальной сцене рассказа), и прилагательного galante (=любовный, игривый, развязный; femme galante – женщина легкого поведения), следуя устоявшейся традиции. Замечу, что в английском переводе рассказ назывался «I Burn Down Moscow», а сборник – «Europe in Love» (Лондон, 1926). Очевидно, выбирая название, Моран использовал аллюзию на известную французскую оперу-балет (1697) Андре Кампра «L'Europe Galante», представлявшую любовные обычаи разных стран [Coyault 2008].

приверженца коммунистической идеологии Бруно Ясенского (настоящее имя – Виктор Зисман, 1901–1938)³, находившегося в 1925–1929 гг. в эмиграции во Франции (см. [Jaworski 2003]).

Помимо этого «генетического» родства и хронологического соседства, помимо факта выхода этих двух текстов по-французски в Париже, их сближает и тема переворота, революции, показанной в антураже столичного города (Москвы и Парижа соответственно) на разных этапах своей реализации: в Москве⁴ представлен (весьма иронически) ее итог, торжество победителей, в Париже – ее драматическое начало, обрисованное в поэтике катастрофизма; и любовно-эротическая линия, выполняющая важную роль в развитии сюжета.

Одной из существенных семантических линий в обоих текстах, несмотря на их жанровое различие (рассказ и роман), культурно-эстетические и идеологические склонности их авторов, как и на их этническую принадлежность, представляется «еврейская» тема, составляющая в данном случае предмет нашего внимания. Перечисленные схождения, как и ряд более мелких, о которых будет сказано ниже, не позволяют полностью согласиться с утверждением Т. Ордона, что роман «Я жгу Париж», помимо сходства заглавий, фактически ничем другим с французским рассказом не связан [Ясенский 1929, 10–11]. Показательно, что в Польше впоследствии оба произведения были изданы под одной обложкой [Jasiński, Morand 2005]⁵.

Говоря о «еврейской» теме в обоих произведениях, следует учитывать, что для посетившего Москву в 1925 г. французского писателя, далекого от еврейской проблематики и не обладающего соответствующими сведениями, вращавшегося в московском богемном кругу, «евреи» становятся различимыми лишь в той степени, в какой они, по сути, денационализировались, успешно ассимилировались и стали представителями нового социалистического общества. Из многочисленных свидетельств этого процесса ассимиляции сошлюсь на воспоминания О. Адамовой-Слиозберг (1902–1991): «Казалось, революция как метлой смела с души все национальные чувства. Какая разница, кто мы: евреи, русские, татары или китайцы» [Адамова-Слиозберг 2002] и Эренбурга: «Революция все изменила; еврейская молодежь ринулась в русские школы, университеты... Еврейки выходили замуж за русских, евреи женились на русских. Обособленность евреев исчезала» [Эренбург 1967a].

Персонажей Морана можно признать евреями условно, на основании лишь этнического происхождения, используемого автором как некое кли-

³ См. о нем: [Stępień 1974; Sawicka 1982; Szałagan 1994; Węgrzynek 2000; Żebrowski 2003; Jaworski 2009].

⁴ Ср. впечатления посетившего Москву в декабре 1926 – январе 1927 г. В. Беньямина: [Беньямин 1997].

⁵ Подробнее о литературном контексте обоих произведений см. [Кацис 2000, 481–531]; об интертекстуальных связях, переплетении литературы, идеологии, политики, искусства см. [Stemberger 2010].

ше, ярлык, стереотип, но никак не подтверждаемого их самоидентификацией, причастностью к еврейской традиции, общине, к культуре (ср., в частности [Иванов 1999; Полвека еврейского театра 2003; Иванов 2007; Казовский 2003; Львов-Рогачевский 1922; Эстрайх 2015; Маркиш 1995; Маркиш 1996; Хазан 2001])⁶, принадлежностью к тому или иному религиозному, политическому течению. Москва же в описываемый межвоенный период стала в результате переселения значительной части еврейского населения в крупные города одним из центров идишской культуры – наряду с Петербургом/Петроградом/Ленинградом и Варшавой [Warsaw 2015; Three Cities of Yiddish 2017].

Понятно, что от французского автора «эротического» рассказа нельзя ожидать глубокого отражения подобных материй, я лишь хотела подчеркнуть, что «еврейские» персонажи Морана никак не проявляют своего еврейства или какой-либо связи с ним, а лишь маркируются автором как таковые – иногда без достаточных оснований, как Маяковский.

У Ясенского же, связанного своим происхождением с (ассимилированной) полуеврейской семьей и имевшего возможность, по крайней мере, близко наблюдать жизнь еврейской общины в Польше, а позже, в Париже – жизнь еврейского квартала Маре, напротив, были сложившиеся представления о принципах и нормах еврейского существования в диаспоре (хотя его собственная национальная идентификация отнюдь к еврейству не сводилась). Этими обстоятельствами, как представляется, во многом обусловлены расхождения в подходе к еврейской теме⁷ и ее отражении у французского и польского писателей.

Эренбург иронически описывал эротические рассказы о путешествиях Морана, популярные на французском книжном рынке 20-х годов: «Для более изысканных дам имелись книги писателя-дипломата Поля Морана. Каждый год он выпускал в свет сборники рассказов: «Закрыто ночью», «Открыто ночью»⁸, «Галантная Европа»; он рассказывал, как переспал или не переспал с женщинами различных национальностей. Для парижанок, не желавших отстать от века, любовь казалась провинциальным анахронизмом, и вот любовники Поля Морана ее модернизировали, они и в кровати разговаривали как безупречные бизнесмены: «Вы теперь похожи на чек без покрытия», «Не живите на капитал ваших нервов» [Эренбург 1966а, 480] (ср.: «Международные Поли Мораны, не торопитесь в Лодзь. Обезжайте этот город! У здешних женщин ощеренная тоска, их волосы пахнут фабрич-

⁶ О еврейской общинной и культурной жизни Москвы, проходившей как бы параллельно описываемому Мораном, см., в частности [Москва еврейская 2003; Евреи в Москве 2003; Снопов 2009; Улицкий, Фельдман 2012].

⁷ Еврейская тема у Ясенского выступает и в его антифашистской повести «Нос» (1936), предваряемой эпиграфом из одноименной повести Гоголя [Ясенский 1957а].

⁸ См. рус. пер.: [Моран 1926], а также сборник, объединивший рассказы из разных циклов: [Моран 1927].

ным дымом. Авантюра здесь лаконична и черства» [Эренбург 1991]). (В свою очередь, поэт и ведущий критик русской эмиграции, Георгий Адамович, насмешливо уподоблял русского и французского писателей: «Раньше были Диккенс и Лев Толстой. Теперь пришли Эренбург и Поль Моран. Да здравствует же Эренбург с Полем Мораном!» [Адамович 2016а, 303]).

Восторженно воспринимал рассказы Морана Жан Кокто, ценивший их иронию и юмор, виртуозность современного стиля, при этом сопоставимого с барочным, где оживает дух «ревуших двадцатых», сопровождаемый неистовым и невинным желанием Морана жить, смеяться и забывать. К сборнику его новелл писал предисловие Марсель Пруст, приветствовавший появление «нового и оригинального» французского писателя, которого обычно трудно читать и понимать, потому что он соединяет вещи новыми отношениями: вы очень хорошо понимаете первую половину фразы, но далее теряетесь – лишь потому, что новый писатель более подвижен, чем мы [Proust 1921].

Эзра Паунд, познакомившийся в Париже в 1920 г. с прозой Морана и ставший переводчиком его рассказов на английский, отмечал, что он стал первым, кто несомненно обладает острым взглядом, позволяющим в путешествиях в оба конца Европы замечать признаки морального и духовного опустошения после Первой мировой войны, а представленная им картина современности не утратит своей исторической достоверности⁹. Критики могли относить рассказы Морана и к жанру философских притч [Thiebaut 1962], биограф Маяковского оценивал рассказ как образец блестящей самобытной литературной журналистики, полной точных наблюдений и метких саркастических выпадов [Янгфельдт 2016, 426]. В частности, Моран тонко уловил мифотворческую составляющую своего персонажа. Ведь даже восхищавшийся поэзией Маяковского Эренбург отмечал: «Беда в том, что Маяковский, будучи страстным разрушителем различных мифов, с необычайной быстротой превратился в мифического героя» [Эренбург 1966, 245].

Предыстория написания «московского» рассказа Морана, какой она предстает в воспоминаниях Эльзы Триоле (кстати, переводившей Морана), такова: корреспондент агентства «Гавас», Жан Фонтенуа, «привез к Маяковскому и Лиле, которые тогда еще жили в Водопьяном переулке, известного французского писателя Поля Морана. Писателя встретили чрезвычайно гостеприимно, кормили пирогами и отпустили, нагруженного подарками. Вернувшись в Париж, Моран в скором времени выпустил книгу рассказов, в одном из которых, под заглавием «Я жгу Москву», он описал

⁹В издательстве Gallimard вышли сборники «Tendres stocks» (1921) и «Ouvert la nuit» (1922). Переводы Паунда, авторизованные Мораном, были тогда отвергнуты английским издательством Charman&Dodd как не подходящие для пуританской английской читательской публики в силу своей сексуальной откровенности [Mitchell 1984].

вечер, проведенный с Маяковским, и всех присутствовавших на этом вечере. Это был гнуснейший пасквиль, едва прикрытый вымышленными именами. Я помню, как много позднее в Париже Маяковский по этому поводу недоуменно пожимал плечами и все собирался выпустить книгу, где бы напротив каждой страницы Морана шел рассказ о том, как оно все было на самом деле. Жаль, что он этого не сделал, блестящий бы получился рассказ, помимо ответа Морану». (После того, как Фонтенуа привез на дачу в Сокольники журналиста Анри Берро, который, вернувшись во Францию, написал о Советской России отвратительный репортаж, о чем стало известно в Москве, Маяковский сказал ему, не отрываясь от игры на бильярде: «Фонтанкин, если ты еще раз приведешь к нам француза, я тебе морду набью») [Катанян 1993, 18]; ср: [Азарх-Грановская 2001, 31–35]. Маяковский и Брики были возмущены тем, что автор изобразил их представителями послевоенной «галантной Европы» – и тем, как они были изображены. Эльза нашла повесть антисемитской, а Маяковский сказал в адрес Морана, что «гнусность он, по-видимому, изрядная» [Янгфельдт 2016, 428].

В центральных персонажах рассказа Морана – Василисе Абрамовне, Бене Мойшевиче¹⁰ и Мардохе Гольдвассере – читатель легко угадывал Лилю и Осипа Бриков и Маяковского, которого автор намеренно «иудайзировал» в угоду своей концепции о евреях-бенефициарах состоявшейся в России революции (ср., в частности: [Будницкий 1999]). Портрет самовлюбленного Маяковского-Гольдвассера как преуспевающего и официально признанного поэта, ловко манипулирующего жанрами и стилями, предстает в сатирическом ключе: «Красный поэт, голый и сильный... У него лицо боксера, одного из тех американских боксеров-евреев, которые недавно появились на ринге... В нем чувствуется необузданность всеми заброшенного всеобщего баловня. Он стал писать пропаганду... Его стихи печатаются в несколько красок с фотографиями, врезанными посреди текста. Из-под его пера вышли политические пьесы, атеистические песенки для детей, патриотические гимны, оды сельскохозяйственным удобрениям, каллиграммы в форме серпа и молота, рекламы государственной промышленности. Он безжалостно переложил в стихи красноармейские марши, новый уголовный кодекс, цены на продукты питания, систему мер для крестьян и заводские правила¹¹. Он активен, официален, плодовит. Считается, что у него оригинальный стиль: он все для этого делает. Он боксирует словами, употребляет каламбуры, грубые выражения, народные образы, монологи сумасшедших, фольклор, деревенское просторечие, диалекты инородцев, жаргон мастеровых, и все это подсвечено снизу нарочитой эрудицией (вспомним, что

¹⁰ Предположительно этот персонаж может носить и собирательный характер [Золотоносов 1996, 287; Янгфельдт 2016, 427].

¹¹ Ср.: «Я, душу похерив, кричу о вещах, обязательных при социализме» [Маяковский 1929].

Цветаева назвала Маяковского «первым в мире поэтом масс». – В.М.)¹²... Он без конца говорит о том, что надо «переделать прошлое» [Моран 1996, 198].

Другие действующие лица рассказа Морана также этнически принадлежат к ассимилированному российскому еврейству – «маленький»¹³ одесский поэт Израиллов (Семен Кирсанов, переехавший в 1925 г. в Москву, восхищавшийся Маяковским¹⁴), танцор Большого театра Борис Родштейн (предположительно Асаф Мессерер), «который тоже входит в касту привилегированных, любимых детей этой... Революции» [Моран 1996, 204]¹⁵, В.Б. Шкловский¹⁶, превращенный Мораном из ашкеназского в «бухарского еврея» [Моран 1996, 203]¹⁷.

Ассимилированность российского (советского) еврейства предстает в рассказе в образе полностью разомкнутых, размытых границ существования персонажей, включенных в бурную жизнь «большого» социума (посещение скачек, театра, собраний и заседаний комиссий разного рода – Comité de Vladimir Lenine Memoire/Комиссия ЦИК СССР по увековечению памяти В.И. Ульянова-Ленина; Трест пресноводных рыб; домовый комитет, на место председателя которого претендует Бен Мойшевич). Когда притязания Бена Мойшевича на председательское место не осуществляются, вступает тема еврейского доминирования в постреволюционной стране и применяется инверсия стереотипа о способности евреев захватывать привлекательные командные посты: «По всем признакам похоже, что его, Мойшевича, не выберут. Уязвленная гордость доставляет ему неописуемые муки. Интригу затеяли втайне от него, и – **беспрецедентный случай** – оба соперничающих с ним кандидата – русские (выделено мной. – В.М.). – Эти русские лезут повсюду, прыснув со смеху, заключает Гольдвассер» [Моран

¹² Моран был неплохо осведомлен о своем герое, в данном случае – относительно его «эрудиции». Необразованность Маяковского была известна: он «даже не кончил школу, его начитанность оставалась рудиментарной и бессистемной, он испытывал трудности с правописанием» [Янгфельдт 2016, 112].

¹³ Это впечатление от его «неожиданно малого роста», возможно, объяснялось тем, «что в мысленном представлении он рисовался рядом с открывшим его и вывезшим в столицу из Одессы Маяковским» [Перельмутер 2006].

¹⁴ Ср. его стихотворение «Маяковскому»: Я счастлив, как зверь, до ногтей, до волос, я радостью скручен, как вьюгой, что мне с командиром таким довелось шаландаться по морю юнгой. Пускай прокомандует! Слово одно – готов, подчиняясь приказам, бросаться с утеса метафор на дно за жемчугом слов водолазом! Всю жизнь, до седины у виска, мечтаю я о потайном. Как мачта, мечта моя высока: стать, как и он, капитаном!

¹⁵ О возможном прототипе Родштейна см.: [Золотоносов 1996, 307–312].

¹⁶ Как известно, В. Шкловский и В. Маяковский участвовали в создании документального пропагандистского фильма А. Роома «Евреи на земле» (1927) о еврейских сельскохозяйственных поселениях в Крыму (Л. Брик была ассистентом режиссера).

¹⁷ Предположительно этот образ синкретичен и сочетает в себе черты как Шкловского, так и лингвиста и востоковеда Е.Д. Поливанова, автора, в частности, трудов по бухарско-еврейскому языку [Золотоносов 1996, 301, 303].

1996, 205]. Судя по воспоминаниям Б. Бажанова, Гольдвассер цитирует здесь анекдот, якобы сочиненный Карлом Радеком: «Два еврея в Москве читают газеты. Один из них говорит другому: Абрам Осипович, наркомом финансов назначен какой-то Брюханов. Как его настоящая фамилия?.. – Так это и есть его настоящая фамилия – Брюханов. – Как!.. Настоящая фамилия Брюханов? Так он – русский? – Ну, да, русский. – Ох, слушайте, эти русские – это удивительная нация: всюду они пролезут» [Бажанов 1992, 197]; цит. по [Золотоносов 1996, 314].

Как отметил В. Хазан, сопоставительный бином «библейский герой – герой революции» оказался идеальной сатирической мишенью и был незамедлительно оккупирован жанром анекдота, с нередким антисемитским подтекстом, например: «Если за столом сидят шесть комиссаров, что под столом? – Двенадцать колен Израилевых» или: «Идет заседание совнаркома. Вдруг Каменев заявляет, что ему надо спешно уйти. Куда? В синагогу, чтобы прочесть поминальную молитву по отцу (для чего, согласно еврейской традиции, нужен миньян, т.е. минимум десять евреев). Тогда Ленин останавливает его: «Для чего уходить? Я выйду, и ты сможешь совершить свою молитву здесь на месте» [Хазан 2001, 70].

Даже частная жизнь персонажей Морана лишена какой бы то ни было замкнутости, уединенности в условиях коммунальной квартиры с восемнадцатью парами сапог и галош в передней, принадлежащих разным квартироръемщикам, с единственным, прослушиваемым всеми соседями телефоном, с постоянно открывающейся без стука дверью, впускающей очередного визитера. Ассимилировавшись в окружающем социуме, еврейские персонажи Морана совершенно в нем растворились, утратив черты национальной принадлежности (это подчеркнуто и такими деталями, как поедание свинины, пренебрежение субботой).

Еврейская тема эксплицитно заявлена в монологе Бена Мойшевича, обращенном к французскому гостю: «Хотите понять современную Россию, товарищ? Дело вот в чем. Считайте со мной! Мы говорим: три миллиона трупов; сто миллионов крестьян, обожравшихся землей собственни-ков, пассивных наблюдателей, пищеварение у них, как у удава. И наконец еврейство. Восемь миллионов. Украина, Бессарабия, Туркестан, Бухара – сорвались... Огромные мировые резервуары еврейства нахлынули повсюду¹⁸. Полки, нетерпимые, возвращенные на Талмуде. Иезекииль сказал: «Будете жить в домах, которых не строили, пить из колодцев, которые вы не рыли» («И дал Я вам... города, которых вы не строили, и вы живете в них». – Нав 24:13); «...Дать тебе города большие и хорошие, которых ты не строил, и дома, полные всякого добра, которые ты не наполнял, и колодцы высе-ченныe, которых ты не высекал» (Втор 6:10–11).

¹⁸ Согласно опубликованным данным, количество евреев в Москве возросло с 86 000 в 1923 г. до 132 000 в 1926 г. [Зингер 1928, 127]; цит. по [Estraiikh 2017, 214].

Вот они, эти дома, эти колодцы. Возник новый континент, величайшая лаборатория на свете, земля обетованная – Евразия». Гольдвассер тут же приписывает/присваивает заслугу изобретения этого нового топонима (=имени нового мира) себе [Моран 1996, 202]; ср. [Золотоносов 1996, 291–296], по-видимому, как его создателю, творцу (=именователю). Таким образом, Гольдвассер претендует на роль демиурга, творца как времени («переделать прошлое»), так и пространства.

В Торе говорится о Земле Израиля, данной и предназначенной иудеям богом, о ее домах и колодцах, но Бен Мойшевич (его имя может быть прочитано как «сын Моисея», т.е. наследник и продолжатель лидера движения Исхода в Землю Обетованную) осуществляет географическую подмену, транспозицию, связывая библейское обетование земли с новым локусом, «континентом» – Евразией, которая объявляется и лабораторией, вырабатывающей способы переделки мира.

Заметим, насколько иначе, в иной перспективе рассматривает (в 1922 г.) динамичность, подвижность еврейства М. Гершензон, отмечавший, что «на всем пространстве рассеяния еврей живет временно, как путник на ночлеге... Все главные корневища перерезаны, народный дух оставил ему только право сохранять или сызнава пускать в почву нитевидные корни... Народный дух... еще время от времени отрывает слишком спаянные части еврейства и швыряет их... за море или через границы государств... так в этой войне он оторвал и разметал по России миллион евреев, засидевшихся в Польше и Литве, и беспрестанно встряхивает еврейство русскими, румынскими, марокканскими и всякими другими погромами, чтобы не забывалось. Но в общем все-таки цель достигнута, еврейство не имеет земного града» [Гершензон 2000]. Российское (советское) еврейство, свидетелем торжества которого пришлось стать французскому писателю в Москве, напротив, вполне овладело «земным градом» и получило свое язвительное описание в рассказе.

Об одном из рассказов Морана («Музей Рогаткина» о некоем василеостровском чудаке), входящих, наряду с «Я жгу Москву» и «Крестовым походом детей», в «антикоммунистический триптих» [Sarkany 1968, 81], Г. Адамович писал: «Впечатления Морана довольно поверхностны и шаблонно сочувственны по установленному теперь образцу сочувствия к «великой русской катастрофе», к этой «великой, несчастной и обаятельной стране». Но когда Польша Моран не рассуждает, а описывает, – он очень интересен». Москва разбухла и как бы «обнаглела» от своего неожиданного торжества, в то время как Петербург выступает контрастом по отношению к ней – от разорения и обнищания этот, говоря словами Морана, «может быть, прекраснейший город в Европе» ничего не потерял в красоте своей [Адамович 2016, 137–138].

Хотя Моран в рассказе «Я жгу Москву» и затрагивает тему новой России, вызывавшую в Европе в межвоенный период интерес и политические

споры (см., в частности: [Chessin 1921; Kokovtsoff 1931], он, тем не менее, подчеркивал, что его прежде всего интересует не идеологическая, а эстетическая точка зрения, позволяющая создать художественный контраст [Sarkany 1968, 233].

Исследователями отмечалось, что описание Москвы у Морана «несет на себе отпечаток художественно оправданных деформаций», при этом интерес представляет меткое описание «параноидального и политизированного советского общества, равно как и достоверные портреты главных действующих лиц» [Янгфельдт 2016, 427].

Моран считал, что творчество подчиняется закону противоположности – как сон, а писание – и есть только сон. Но его «легкомысленный» рассказ о невозможности в советской Москве свободно реализовать эротическое влечение к женщине (Василисе Абрамовне), завершающийся сценой страстного протеста героя-индивидуалиста на московской улице («Мои измученные нервы, напряженные, пресыщенные, по-видимому, избыточной пропагандой, лишили меня сознания. Как царевый я встал в санях и закричал: Долой диктатуру! Да здравствует моя свобода!.. Братья!.. возвещаю вам, что грядут лучшие времена» [Моран 1996, 208]), был прочитан – и прототипами его героев, и Ясенским – совершенно иначе.

За Маяковского на «пасквиль» вскоре ответил Ясенский, его горячий поклонник и переводчик [Balcerzan 1968; Кацис 2000, 489–490], но не в духе прямого опровержения «фактов», изложенных в рассказе Морана, а в виде мести парижанину (и в его лице, видимо, Парижу, всему классу прогнившей и погрязшей в пороке буржуазии) за карикатурный образ и Москвы, и ее лучшего поэта. Как вспоминал другой яркий представитель этого поколения, поэт и писатель Александр Ват, общавшийся в это время в Париже с Ясенским, он с необычайной страстью и негодованием говорил об увиденной на витрине новой книге Морана, ходил по квартире большими шагами, ругался («этот негодяй, фашист...») и не мог успокоиться... «Так иногда возникают большие произведения литературы» [Wat 1998, 34]. Рассказ Морана сыграл для Ясенского роль раздражающего, провоцирующего импульса, возможно также, польский писатель был оскорблен очевидной для него антисемитской тональностью французского рассказа. «Сжигающему» столицу пролетарской страны французскому писателю отвечает «уничтожающий» Париж буржуа и политиков Ясенский, как бы перекликаясь с пафосом стихотворения Маяковского «Сволочи» (1922):

«Пусть горят над королевством бунтов зарева!
Пусть столицы ваши будут
выжжены дотла!..
Пролетарий французский!
Эй, стягивай петлею вместо речи
толщ непроходимых шей!».

(Как пронизательно отметил М. Вайскопф, жертвенный аспект личности Маяковского, одержимой идеей самоуничтожения, напрямую сливается с истребительной агрессией. Деформация и мира и самого Маяковского... достигаются в его поэзии одинаковыми средствами – растягиванием, телесным разрушением того и другого, их истязанием и расчленением» [Вайскопф 1997] (ср. [Карабчиевский 1990]).

Роман Ясенского первоначально печатался – по рекомендации Анри Барбюса (как и его вступление в Коммунистическую партию Франции) – в отрывках в коммунистической «L'Humanité», позднее вышел в Париже отдельной книгой [Jasienski 1930], вызвав немалый скандал. После изгнания Ясенского из Франции и его переезда в СССР вышло несколько переизданий романа на русском [Ясенский 1928; Ясенский 1929; Ясенский 1930] и польском [Jasieński 1929] языке, не свободных от цензурных вмешательств; он был опубликован в переработанной автором редакции [Ясенский 1934]¹⁹, позднее вошедшей в 2-томное издание избранных произведений [Ясенский 1957]²⁰, переведен на многие языки (в том числе – на идиш [Jasieński 1929a]).

Автор рецензии, опубликованной в редактировавшемся Ясенским органе, увидел в романе апокалиптические ноты, уподобление Парижа Вавилону, чумы – казням египетским, а коммунистов – избранному народу. Задуманный как революционный, роман Ясенского предстал как книга Апокалипсиса, как пророческое предупреждение о надвигающейся катастрофе [Wolski 1930].

После злонамеренного отравления водопровода Парижа выкраденными в лаборатории бактериями чумы Париж охватывает эпидемия [Ясенский 1957, 39–40, 50], он распадается на обособленные кварталы, занятые представителями разных государств, этносов и классов: «Париж лопнул вновь по широкому шву Сены, когда-то наспех сшитому белыми нитками мостов. На двух концах моста Иены, на фонарях трепещут два флага: трехцветный флаг Российской империи и белый с золотыми лилиями флаг Бурбонов – временная граница двух монархий»; образовались три отдельных республики – желтая («Латинский квартал временно объявляется китайским сеттльментом»), еврейская и англо-американская, блокировав «синюю республику» полицейских на островке Ситэ; пролетарии в Бельвиле создают коммуны – французскую республику Советов [Ясенский 1957, 105].

Роман Ясенского, опубликованный с помощью польского (Томаш Домбаль, которому адресован эпиграф – «товарищу Т. Домбалу, неутомимому борцу за рабоче-крестьянское дело, эта книга от ее автора – дружеское рукопожатие через голову Европы») и французского (Анри Барбюс)

¹⁹ Об изменениях, которые Ясенский внес в новую редакцию романа, см. [Balcerzan 1968, 319–320, 326, 321–328; Kolesnikoff 1982, 84–85; Kato 2018].

²⁰ Далее цитаты приводятся по этому изданию.

коммунистов, имел во Франции скандальный успех. Под окнами редакции проходили демонстрации, направлялись петиции с требованием лишить визы «нахального поляка (а может и «еврея», поскольку наиболее горячими противниками Ясенского были разного рода правые, в том числе – фашиствующие националисты)» [Kitrasiewicz 2005, 12].

Ясенский как «прогрессивный» писатель был арестован и выслан из Франции, поскольку его «роман открыто призывал к низвержению существующего строя», а «либеральные французские писатели, во имя «свободы слова», обратились к министру внутренних дел с протестом против беспримерной высылки писателя за его литературное произведение», – писал он в 1931 г. в своей автобиографии (цит. по [Берзинь 1957, 5]).

Можно было ожидать такой реакции на преисполненное коммунистической пропагандой произведение эмигранта, провозглашавшего импорт русской революции: «Из далекой, мерцающей заревом Москвы красными брызгами летели над миром пламенные слова Ленина; раскаленными угольями падали на порох взрытых, утопанных стопами победоносных армий залежей классового сознания угнетенных масс и народов» [Ясенский 1957, 92]. (Ср.: «На стенах Парижа можно было увидеть надписи – краской, углем, мелом: «Да здравствуют Советы!»... В 1921 году во Франции не было улицы Ленина, но Ленин как будто жил в рабочих предместьях» [Эренбург 1966, 387]).

Анатоль Стерн, польский поэт, прозаик, литературный критик, соавтор Бруно Ясенского в создании манифеста польского футуризма «Нож в животе» (1921), в футуристическом поэтическом сборнике «Земля – влево» (1924), который свидетельствовал о близости обоих поэтов к коммунистической идеологии, в предисловии к польскому изданию романа «Я жгу Париж» (1957) утверждал: «Моран представлял самую ненавистную Ясенскому позицию – подозрительная эlegantность стиля, заменяющая подлинное искусство, презрение к трагизму жизни, неверие в ее великую цель... Руками своего безработного героя Ясенский символически уничтожал Париж крупных капиталистов, рантье и политических игроков, которые сделали Францию добычей заокеанского капитала. Он уничтожал город, в котором сытые захватили себе все: красоту, любовь, радость жизни. Редко какое произведение столь полно отвечало так называемому социальному заказу, как роман Ясенского в то время» [Stern 1957, 8].

Сам Ясенский о переломном периоде своего творчества, приведшем к созданию романа, писал в своей автобиографии (1931): «Годы 1924–1925 были для меня годами внутреннего творческого кризиса. Писать по-старому считал ненужным, по-новому еще не умел. Прыжок от формально утонченных, оперирующих отдаленными ассоциациями стихов «Земли влево» до народной скупой простоты «Слова о Якове Шеле» (поэмы о крестьянском восстании), простоты не всегда еще зрелой и полнозвучной, был для меня решающим этапом внутреннего преодоления, первым моим ша-

гом на пути к подлинно пролетарской литературе, литературе – непосредственному оружию классово-борьбы... Все острее ощущаемая потребность принимать активное участие в развертывающихся вокруг классовых боях посредством неотразимого оружия художественного слова заставила меня забросить стихи и сесть за прозу. Результатом трехмесячной работы и явилось мое первое прозаическое произведение – роман “Я жгу Париж”» (цит. по [Берзинь 1957, 4–5]).

Если, как писал автор предисловия к русскому изданию романа Ясенского Т. Ордон, Моран жжет коммунистическую Москву факелом широкого индивидуализма, а его произведение – это вызов, брошенный коммунистическому мировоззрению со стороны буржуазного идеолога, то Ясенский, прекрасно знающий все «прелести» буржуазного Запада, взялся ответить на этот вызов самостоятельным произведением [Ясенский 1929, 9–10].

Апокалиптическое видение революции представлено в поэтике катастрофизма, основанного на предчувствии неизбежной гибели существующего («старого») мира, а ее внезапность и скорость распространения связываются с мотивом эпидемии чумы²¹.

У Ясенского чума – сюжетообразующий, центральный мотив, но и у Морана можно заметить вкрапления мотива болезни, страха перед ней, эпидемии, так или иначе присутствующего у персонажей в постреволюционной России. «Слишком художественная натура», Гольдвассер-Маяковский страдает от (вообще известного по многочисленным свидетельствам) невроза – боязни заразиться, от мании чистоты: «Этот коммунист чистит предметы, до которых дотрагивается, стерилизует свой столовый прибор, носит резиновые перчатки, открывает двери на той высоте, где никто их не касается» [Моран 1996, 199].

Тема эпидемии периодически возникает в морановских описаниях постреволюционной Москвы. Возвращаясь из поездки в Минск, Гольдвассер восклицает: «Василиса, ты посмотри, сколько блох! И не только блохи! Не удивлюсь, если занесу домой тиф. Вчера читал стихи в минской синагоге» – и вот результат!» [Моран 1996, 198]. У приехавшего из Одессы поэта Израилова (Кирсанова) Гольдвассер спрашивает: «Привез нам холеру?» [Моран 1996, 199]. Выступление в минской синагоге, как и многие другие детали и обстоятельства (в частности, невроз Маяковского), приводимые в рассказе Морана, имеют реальные основания [Золотоносов 1996, 262].

В произведениях Морана и Ясенского обнаруживается и перекличка некоторых мотивов – коллективного эротического обладания как некоего

²¹ Ср. написанный двумя десятилетиями позже, в 1947 г., роман Альбера Камю «Чума», аллегорически посвященный «коричневой чуме» фашизма, но также и неизбежности зла в мире.

производного от идеи революции, всеобщих прав на все и торжества общности над индивидуумом: мужчины в Москве, поголовно вожделеющие Василису Абрамовну как «народное достояние» («она представляла собой народное достояние, предмет искусства, который полагается после использования вернуть общественности») [Моран 1996, 191]²² – у Морана. У Ясенского мужские толпы, овладевающие Жанеттой (во сне Пьера), символизируют насильственную эксплуатацию слабых и угнетенных: «Вздыбленная река тел..., ног kloкочущим валом переливается поверх крыш с гулом и ревом... А наверху, на громадном четырехспальном матрасе **всенародной** (выделено мной. – В.М.) кровати («Ле ли националь») лежит маленькая, беспомощная Жанетта. По трясущимся ступенькам вверх карабкается муравьиной кучей толпа мужчин: блондинов, брюнетов, рыжих – чтоб на минуту накрыть ее тяжелой похотливой тушей; один за другим, все, город, Европа, мир!» [Ясенский 1957, 29–30].

Если у утонченного индивидуалиста Морана подобный сексуальный коллективизм, как и наблюдаемый им в Водопьяном переулке *ménage à trois*, вызывает отторжение и горечь («Решительно в этом коллективном обладании сквозит какое-то внутреннее благодушие, какая-то пошлая радость, вызывающая во мне раздражение. Эта непринужденная жизнь под знаком беспорядка, эта смесь радостей и потребностей, этот любовный трест, этот супружеский картель... наполняет чудовищной горечью мое сердце, по-прежнему взыскующее куртуазности») [Моран 1996, 204–205]²³, то у Ясенского этот образ связан с грядущим (и желанным) крушением прежнего европейского мира, символом которого служит Париж. Из его «разогретого тела вместе с потом и водой испаряются последние шарики голубой крови, оседая в предусмотрительно приготовленные для этой цели резервуары: Довиль, Трувиль и Биарриц, и кровь Парижа постепенно становится определенно красной – краснотой городского простолудина», распространяется «специфический запах французского праздника: дешевого вина, махорки и демократии» [Ясенский 1957, 33].

Можно отметить сходное у обоих писателей отражение процесса миграции еврейского населения – у Морана она идет, как описано в монологе Бена Мойшевича, с периферии в центр, у Ясенского – с Востока на Запад Европы («В середине международного города, в середине Франции,

²² Ср. воспоминание Лили Брик: «Когда мы познакомились, Маяковскому нравилось, что вокруг меня толпятся поклонники. Помню, он сказал: «Боже, как я люблю, когда ревнуют, страдают, мучаются»; «У тебя не любовь ко мне, у тебя – вообще ко всему любовь. Занимаю в ней место и я (может быть, даже большое), но если я кончаюсь, то я вынимаюсь, как камень из речки, а твоя любовь сплывает над всем остальным» [Катанян 1993, 28, 30].

²³ До своего визита к Брикам Моран провел в Москве несколько недель и был хорошо осведомлен (по публикациям в прессе и сплетням) об этом «супружеском картеле» [Янгфельдт 2016, 471].

нанесенное сюда с востока, с черноземных полей Украины, из болотистых местечек Галиции, осело, наслоилось в несколько десятилетий, выросло... современное гетто, прочное, нерастворимое, обособленное»). Однако описанные результаты этой миграции противоположны: смешение и растворение у Морана – и полная дистанцированность, неслиянность у Ясенского. «Маленький еврейский Париж» в условиях этого громадного города, где «стирают друг друга в песок сотни языков, десятки народов и рас, удобряя навозом новых плодотворных элементов восприимчивую французскую почву», остается абсолютно неслиянным и обособленным: «Польские и русские еврей-лавочники, со свойственной им способностью не ассимилироваться, влитые в раствор любого города, выплывут на его поверхность жирным цельным пятном масла» [Ясенский 1957, 52].

Создавая образ этой неслиянности еврейской общины с окружающей жизнью Парижа, Ясенский прибегает к контрастным описаниям: бешеной гонке местных происшествий противопоставлена тишина ешибота и синагоги, размеренность времени, текущего от пятницы до пятницы. Глава общины – равви Элеазар бен Цви, который «видит много вещей, недоступных человеческому взору, и не видит самых простых», ибо его глаза обращены лишь к небу, никогда не был в Париже. Приехав сюда пятьдесят лет назад из своего местечка, он сразу же поселился в доме при синагоге и не покидал его никогда, ежедневно переходя лишь через внутренний вход в синагогу, для чего не нужно было выходить на улицу. Описывая обособленную внутреннюю жизнь парижской еврейской общины, Ясенский использует прием сказа, передавая речь ее членов: «Улица не знает равви Элеазара, знают его лишь те, кто просил у него совета, то есть знает его весь Отель-де-Виль, ибо кто же не ходил за советом к равви Элеазару бен Цви, который мудрее всех раввинов-чудотворцев мира и на суд к которому специально приезжают в автомобилях купцы с другого берега Парижа?»; «Долго, по целым часам, бог и ребе беседуют между собою. И евреи знают: ребе может говорить с богом, когда захочет. Как будто у него с ним постоянное телефонное сообщение... О равви Элеазаре можно сказать, что в его распоряжении особая линия и разговаривать он может с богом в любое время, не опасаясь, что кто-нибудь ему помешает. Впрочем, равви Элеазар знает, что бог, как всякий еврей, не любит, чтобы его беспокоили, когда он занят, и равви знает уже, в какое время можно поговорить с ним на досуге. И бог питает слабость к равви Элеазару, и не было еще случая, чтобы он ему в чем-либо отказал» [Ясенский 1957, 53–54]. Ясенский иронически дискредитирует эту простодушную веру, последовательно показывая, как все попытки равви остановить разгул смертельной болезни оказываются бесплодными и не обеспечивающими поддержки свыше.

В условиях распространяющейся эпидемии чумы равви Элеазар после долгих молитв дает указания общине, связанные с традиционными способами преодоления бедствия: «Он велел отпраздновать завтра же свадьбу

на кладбище, как это повелевает обычай во время эпидемии. Подыскали тут же на месте молодого и молодую. Мануфактурщик Ешия и шапочник Сендер принялись собирать для молодой приданое. Свадьбу отпраздновали на следующий день на кладбище Баньо в присутствии евреев всего Отельде-Виля» [Ясенский 1957, 55]. По утверждению Л.Ф. Кациса, способы борьбы с чумой, которые у Ясенского пытаются применить иудеи Парижа, восходят к «Бурной жизни Лазика Ройтшванца» И. Эренбурга [Кацис 2000, 529–530]. Ясенский был знаком с творчеством Эренбурга, переводил его («Жизнь и гибель Николая Курбова», 1926), на возможное влияние Эренбурга, в частности, его «Треста Д.Е.» об уничтожении Европы, на роман «Я жгу Париж» указывали исследователи [Kolesnikoff 1982, 76; Кацис 2000, 522–528]. Однако обычай кладбищенской, или «черной» свадьбы относится к известным и практиковавшимся в случае эпидемий еврейским обрядам, имевшим целью задобрить, или рассмешить смерть. Как представляется, упоминание этого обряда и у Эренбурга, и у Ясенского, не говоря уже о более ранних его отражениях в еврейских текстах (например, в «Фишке Хромом» Менделе Мойхер-Сфорима, и др.), восходит к общему источнику [Мочалова 2007].

В качестве способов противостоять распространению заразы равви предписывает покинуть зараженные дома, а также освобождает евреев от соблюдения некоторых традиционных религиозных ритуалов (обязанность сидеть *шиву* по своим покойникам, ритуальное их погребение, запрет на кремацию): «Равви Элеазар в первый раз сомневается. Да и как же не усомниться? Взял на плечи свои бремя, превышающее человеческие силы. В книге божьего гнева прочел «пикуах нефеш», и с тех пор евреи не сидят шиве по своим покойникам, а трупы еврейские без очистительных обрядов отправляются в лоно смерти. И все напрасно»; «И открыл равви Элеазар евреям «пикуах нефеш», неслыханный в истории еврейства, что трупы евреев, для которых нет места на земле, предаваться будут огню. И не покинула зараза стен города еврейского» [Ясенский 1957, 56, 59].

Описание традиционных распоряжений раввина, благоговейного подчинения им и беспрекословного исполнения со стороны членов общины не лишено у Ясенского иронической дистанции, как и указание на причины божественного гнева, которые видятся в предосудительном нарушении еврейской изолированности от окружающего мира. Причину возникновения эпидемии равви, разумеется, видит не в реальных земных фактах (отравление парижского водопровода бактериями чумы), а в «разрушении оград», ранее отделявших общину от «заразы христианства», «и с тех пор бедствия гоев стали их бедствиями, а гнев господень обернулся против них. Пока евреи не отгородят себя сызнова непроницаемой стеной от всего, что нееврейское, до тех пор их будет пожирать зараза, а ангел смерти не покинет их порогов». Способ преодоления бедствия виделся в создании – для защиты от заразы арийцев – самостоятельной еврейской территориальной общины и в соблюдении строжайшей изоляции от внешнего мира [Ясенский

1957, 57–60]. Однако когда и это не принесло желаемого результата («Равви Элеазар сомневался. Взял на плечи свои ответственность ужасную: оградил еврейский город стеной, лишив его даже собственного кладбища, и по квартирам стали гнить еврейские трупы»), был избран также традиционный еврейский, наиболее радикальный ответ – Исход: «Евреи из еврейского города на днях выйдут из Парижа.... Общим числом надо считать около пятисот человек (ср.: «Двинулись сыновья Израиля... около 600 тысяч мужчин, не считая детей». – Исх 12:37). Остальные вымерли или вымрут в ближайшие дни. Уехать они должны в самый кратчайший срок. Оставаться в Париже с каждым днем опаснее» [Ясенский 1957, 139].

Ясенский в эпизодах подготовки Исхода прибегает к стилизации библейского текста, к прямому цитированию, перемежающемуся с описанием колебаний равви Элеазара, который сопоставляется с Моисеем – в своих сомнениях и финальном подчинении высшей воле: «Равви Элеазар колеблется первый раз в жизни, подкашивается под тяжестью сомнений, как ветка под тяжестью птицы. Пергаментные губы лепечут: Господи, почему возложил ты на меня эту тяжесть? Я стар, и хилы плечи мои... «...И сказал господь: Я увидел страдания народа моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; я знаю скорби его... И иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей на землю хорошую и просторную, где течет молоко и мед... Итак, пойдя: я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ мой, сынов израилевых. Моисей сказал богу: Кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов израилевых?... Моисей сказал: Господи, пошли другого, кого можешь послать... И возгорелся гнев господень на Моисея...» (Исх 3:7–11; 4:13–14). Равви Элеазар бен Цви не ропщет. Знает: неисповедимы пути господни. На кого он укажет перстом, тот напрасно захотел бы уклониться от своей судьбы. Нет. Равви Элеазар не будет юлить, как Моисей: «Господи, пошли другого, кого можешь послать». Слишком давно привык он к послушанию. Уверенной рукой закрывает книгу. Встает. Выпрямился» [Ясенский 1957, 59–60].

Коммунист Ясенский не может не отразить и солидарный отклик еврейской бедноты на революционное брожение в Париже, что еще больше пугает руководство еврейской общины: «Над еврейским городом нависла другая опасность, заразительнее заразы: еврейская община соприкасается непосредственно с коммуной Бельвиль. Со дня ее образования среди наших бедняков началось заметное брожение. Не дальше, как вчера, весь квартал Републик оторвался от еврейского города и присоединился к большевикам. Свыше тысячи купцов были вырезаны чернью, и имущество их разграблено. Все голодранцы еврейского города только о том и помышляют, чтобы последовать этому примеру... Оставаться дольше в Париже нельзя» [Ясенский 1957, 139]; ср. [Kolesnikoff 1982, 78]. Если у еврейских персонажей Морана Землей Обетованной выступает желанная Евразия [Золотоносов 1996, 294], то у парижских евреев Ясенского таковой представляется Америка.

В мозаично построенном – с композиционной точки зрения – романе Ясенского есть и еще одна «еврейская» сюжетная линия, тесно переплетенная с «русской» и отразившая трагические страницы жизни российского еврейства периода гражданской войны. Они воспроизводятся в воспоминаниях эмигрировавшего в Париж русского ротмистра Соломина («Вся молодежь от него без ума. Храбрый офицер. Еще в армии Врангеля бил большевиков... вчера... сидел на столике, на террасе кафе Рю-де-ля-Помп, и удирающих евреев, пуская их на пятьсот шагов, хлопал как уток, ни разу не промахнувшись» [Ясенский 1957, 107]). Воспоминания Соломина Ясенский передает телеграфным стилем, без детализации, создавая при этом весьма объемную картину: «Опять фронт. Вторая линия. Скука разоренных местечек. Спирт и карты. В моменты жажды экстаза – евреечки... И опять шок – Октябрь»; «Крым, Врангель. Наступление. Реванш за «поруганную Россию». Отвоєванные местечки. Контрразведка. Счеты с большевиками. Расстрелы. Коммунисты и комсомольцы. В свободные минуты – евреи. Жидовочки: дуло к виску – и в очередь. Липкая вонючая кровь» [Ясенский 1957, 110]. Значительно более подробно представлены сцены теперешней парижской жизни ротмистра, среди них – чудовищный эпизод глумления над пойманным еврейским мальчиком, видимо, бежавшим от погрома в «русском» квартале Парижа («Пустяки... перебили вчера немножко жидов. Хлеб жрут и еще заразу разносят») и его убийства [Ясенский 1957, 107–109]. Отношение автора – сочувствие к жертвам насилия и отвращение к преследователям и палачам – в этих фрагментах вполне отчетливо.

Мотив еврейской ассимиляции, хотя и в иной оркестровке, чем у Морана, присутствует и у Ясенского: персонаж его романа Давид Лингслей декларирует свою непричастность к еврейству, несмотря на семейное происхождение:

«Собирая относительно меня исчерпывающие сведения, вы, по всей вероятности узнали, что отец мой был еврей, и подумали, что... меня можно будет взять сантиментами. «А идиш харц», – как вы говорите между собой. Я должен вас разочаровать. Я воспитан в Америке, в Америке же я добился богатства. Я – американец. Еврейству я ничем не обязан, и у нас нет никаких точек соприкосновения. Наши линии, которые в прошлом поколении, быть может, еще пересекались, разошлись бесповоротно. Вопрос происхождения – это вопрос исключительно метрики. Еврейство не имеет оснований ожидать от меня чего-либо» [Ясенский 1957, 141–142].

И эта позиция приводит в финале к гибели – и его самого, и соплеменников, от которых он считает себя предельно отчужденным, но чью судьбу неизбежно разделит.

Нельзя исключить, что проблема ассимиляции не была «изнутри» знакома Ясенскому, еврею по отцу, принявшему крещение и не свободному от комплексов в связи со своим еврейством. Сам Ясенский был вполне аккультурирован и ассимилирован в польском обществе, получил образо-

вание в Варшавском и Ягеллонском университетах (полонистика, право и философия), стал одним из родоначальников польского футуризма, а его (завершившееся трагедией) увлечение коммунистическими идеями вообще предполагало не национальную, а классовую идентификацию (см. [Мочалова 2006]).

В своей автобиографии после переезда в СССР (1929) Ясенский это прямо декларировал:

«Живя и работая в СССР, не считаю себя эмигрантом и думаю, что своей повседневной работой если не заработал еще, то заработаю право гражданства в рядах героического пролетариата той страны, которая первая дала миру социалистический строй. В этой великой стройке хочу принимать самое непосредственное участие» (цит. по [Берзинь 1957, 7]).

Действительно, для многих из поколения, родившегося на рубеже XX в., польских интеллектуалов «еврейского происхождения», к которому принадлежал и Бруно Ясенский, коммунистическая идея стала сознательным субъективным выбором, и, как вспоминал Александр Ват, они стремились к *vita activa*, не только к интерпретации мира, но и к собственноручному его изменению [Wat 1998, 168, 169, 255].

Изгнанный за свой роман из Франции (Ват связывает с этим окончательное сближение Ясенского с коммунистической идеологией), Ясенский получил в СССР гражданство, начал писать по-русски [Balcerzan 1968a], стал активным членом ВКП(б) и разделил судьбу многих, погибнув во время сталинских чисток²⁴.

В мае 1937 г. «Правда» напечатала статью «Троцкистская агентура в литературе» – «и пошло-поехало: Бруно Ясенский, Киршон, Афиногенов, Пильняк... Библиотечные полки советской литературы стремительно очищались от вражеских книг» [Фрезинский 2008, 241] (ср. у Эренбурга: «Я не мог успокоиться, при каждом имени спрашивал: «Но его-то почему?..» Борис Матвеевич пытался строить догадки: Пильняк был в Японии..., Бруно Ясенский – поляк, польских коммунистов всех забрали» [Эренбург 1967] (ср. [Wat 1998, 35]).

Как представляется, из двух жизненных стратегий, осуществляемых еврейством на протяжении его истории – изоляционизма и ассимиляции – каждый из двух рассматриваемых писателей сфокусировал свою оптику на одном из этих контрастных полюсов (ср. [Слезкин 2005]). У Морана представлено торжество ассимиляционистской стратегии (части) российских евреев, приведшей к утрате национальных корней, к растворению в окружа-

²⁴ Согласно опубликованным обществом «Мемориал» документам, Ясенский был арестован 31.07.1937, обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации, приговорен ВКВС СССР 17.09.1938, расстрелян 17.09.1938, реабилитирован 24.12.1955 (<http://www.memo.ru/memory/communarka/index.htm>). См. [Jaworski 1995].

ющем социуме, взамен подарившей успех, процветание, близость к власти, ощущение могущества.

«Для образованных, честолюбивых, энергичных и готовых служить новому порядку евреев открывался путь вверх по лестнице социального восхождения. Интеграция, в Западной Европе даже после эмансипации остававшаяся процессом замедленным, здесь развивалась в беспрецедентном ритме» [Франкель 2004].

У Ясенского отражен предельный изоляционизм парижского еврейства, радикальным финальным проявлением которого закономерно становится Исход (закончившийся трагически из-за предательства ассимилянта Линдслея). «Евреи» Морана успешно осуществляют исход из своего еврейства и предстают как победители, заслуживающие сатирического памфлета, евреи Ясенского – из своего *галута* (безуспешно) и предстают как жертвы, заслуживающие сочувствия.

Источники

- Адамова-Слиозберг 2002 – *Адамова-Слиозберг О.* Путь. М., 2002. С. 238.
- Бажанов 1992 – *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 197.
- Азарх-Грановская 2001 – *Азарх-Грановская А.В.* Воспоминания. Беседы с Дувакиным / Коммент. В. Хазана и Г. Казовского. М.; Иерусалим, 2001.
- Беньямин 1997 – *Беньямин В.* Московский дневник / Пер. с нем. и примеч. С. Ромашко, общ. ред. и послесл. М. Рыклин. М., 1997.
- Берзинь 1957 – *Берзинь А.* Бруно Ясенский // Ясенский Б. Избранные произведения. Т. I. М., 1957.
- Гершензон 2000 – *Гершензон М.* Судьбы еврейского народа // Гершензон М. Избранное. М.; Иерусалим, 2000. Т. 4. С. 187–188.
- Катанян 1993 – *Катанян В.В.* Современницы о Маяковском. М., 1993.
- Моран 1926 – *Моран П.* Открыто ночью / Пер. с франц. В. Ильиной, С. Парнок, Э. Триоле. М., 1926.
- Моран 1927 – *Моран П.* Ночи / Пер. с франц. Б. Горнунга, М. Эйхенгольца, Н. Костровской, Т. Ириновой. М.; Л., 1927.
- Моран 1996 – *Моран П.* Я жгу Москву / Пер. с фр. М. Яснова // Золотоносов М. Слово и Тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков. СПб., 1996. С. 190–208.
- Эренбург 1966 – *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. Кн. II. М., 1966.
- Эренбург 1966а – *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Собр. соч. в 9 т. Т. 8. Кн. III. М., 1966. С. 480.
- Эренбург 1967 – *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. Кн. IV. М., 1967. С. 182–183.

- Эренбург 1967а – *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. Кн. VI. М., 1967. С. 570.
- Эренбург 1991 – *Эренбург И.* В Польше // Эренбург И. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. М., 1991. С. 118.
- Ясенский 1928 – *Ясенский Б.* Я жгу Париж // Роман-газета. № 8(20). М., 1928.
- Ясенский 1929 – *Ясенский Б.* Я жгу Париж / Предисл. Т. Ордона. М.; Л., 1929.
- Ясенский 1930 – *Ясенский Б.* Я жгу Париж / Предисл. Т. Ордона. 4-е изд. М., 1930.
- Ясенский 1934 – *Ясенский Б.* Я жгу Париж. Новое изд., переработанное автором. М., 1934.
- Ясенский 1957 – *Ясенский Б.* Я жгу Париж // Ясенский Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. М., 1957. С. 15–184.
- Ясенский 1957а – *Ясенский Б.* Нос // Ясенский Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. М., 1957. С. 187–210.
- Antologia 1978 – *Antologia polskiego futuryzmu i Nowej Sztuki / Wstęp i komentarz opr. Zb. Jarosiński, wyb. i przygot. tekstów H. Zaworska.* Wrocław, 1978.
- Jasienski 1928 – *Jasienski B.* Je brûle Paris // L'Humanité. Sept. 14. – Novem. 13. 1928.
- Jasieński 1929 – *Jasieński B.* Palę Paryż. Moskwa, 1929.
- Jasieński 1929а – *Jasieński B.* Kh'farbren Pariz / Transl. S.L. Schneiderman. Varshe: Naye Kultura, 1929.
- Jasieński 1930 – *Jasieński B.* Je brûle Paris. Paris, 1930.
- Jasieński 1931 – *Jasieński B.* Palę Paryż / Przedm. J. Kaden-Bandrowski. Warszawa, 1931.
- Jasieński, Morand 2005 – *Jasieński B.* Palę Paryż. *Morand P.* Palę Moskwę / Red. i wst. P. Kitrasiewicz. Warszawa, 2005.
- Mitchell 1984 – *Mitchell B.* Introduction // *Morand P.* Fancy Goods and Open All Night / Preface by M. Proust, transl. by E. Pound, ed. and introd. by B. Mitchell. New York, 1984. P. IX–XVI.
- Morand 1925 – *Morand P.* Je brûle Moscou // *Morand P.* L'Europe galante. Chronique du XXe siècle. Paris, 1925. P. 171–213.
- Morand 1984 – *Morand P.* Fancy Goods and Open All Night / Preface by M. Proust, transl. by E. Pound, ed. and introd. by B. Mitchell. New York, 1984.
- Proust 1921 – *Proust M.* Preface // *Morand P.* Tendres stocks. Paris, 1921. P. 11.
- Wat 1998 – *Wat A.* Mój wiek. Pamiętnik mówiony / Rozm. prowadził i przedm. opatrzył Cz. Miłosz. Warszawa, 1998. T. 1.
- Wolski 1930 – *Wolski J.* [Jan Hempel]. Apokalipsa według Brunona Jasieńskiego // Kultura Mas. 1930. № 4/5. P. 66.

Литература

- Адамович 2016 – *Адамович Г.В.* «Музей Рогаткина» Поля Морана // Адамович Г.В. Литературные беседы. Кн. 1 / Под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин, 2016.
- Адамович 2016а – *Адамович Г.В.* Литературные заметки. Кн. I. / Под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин, 2016.
- Вайскопф 1997 – *Вайскопф М.* Во весь логос. Религия Маяковского. М.; Иерусалим, 1997. С. 73.
- Евреи в Москве 2003 – Евреи в Москве. Сборник материалов / Сост. Ю. Снопов и А. Клемперт. М., 2003.
- Зингер 1928 – *Зингер Л.З.* Движение еврейского населения СССР // Вопросы биологии и патологии евреев. 1928. № 2.
- Золотоносов 1996 – *Золотоносов М.* М/З, или КАТАМОРАН. Рассказ Поля Морана «Я жгу Москву» // Золотоносов М. Слово и Тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков. СПб., 1996. С. 161–189, комментарии: с. 209–333.
- Иванов 1999 – *Иванов В.* Русские сезоны театра «Габима». М., 1999.
- Иванов 2007 – *Иванов В.* ГОСЕТ: политика и искусство. 1919–1928. М., 2007.
- Казовский 2003 – *Казовский Г.* Художники Культур-Лиги. Памяти Герша Бенционовича Ингера. М., 2003.
- Карабчиевский 1990 – *Карабчиевский Ю.* Воскресение Маяковского. М., 1990.
- Кацис 2000 – *Кацис Л.Ф.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000. С. 481–531.
- Львов-Рогачевский 1922 – *Львов-Рогачевский В.* Русско-еврейская литература. М., 1922.
- Маркиш 1995 – *Маркиш Ш.* Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки // Новое литературное обозрение. 1995. № 15.
- Маркиш 1996 – *Маркиш Ш.* Бабель и другие. Киев, 1996.
- Маяковский 1929 – *Маяковский В.* Даешь материальную базу! // Правда. 1929. № 307. 27 декабря.
- Москва еврейская 2003 – Москва еврейская / Ред.-сост. К. Бурмистров. М., 2003.
- Мочалова 2006 – *Мочалова В.* Юлиан Тувим, Александр Ват, Бруно Ясенский: драма польско-еврейско-русского пограничья культур // Русско-еврейская культура / Под ред. О. Будницкого (отв. ред.), О. Беловой, В. Мочаловой. М., 2006. С. 127–157.
- Мочалова 2007 – *Мочалова В.* Исцеление, спасение, избавление в еврейской традиции и магическая практика (еврейский обряд кладбищенской свадьбы и его славянские параллели) // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007. С. 89–109.

- Перельмутер 2006 – *Перельмутер В.* Не преодолевший формализм (поэзия Семена Кирсанова) // *Арион*. 2006. № 1.
- Полвека еврейского театра 2003 – *Полвека еврейского театра. 1876–1926.* Антология еврейской драматургии / Сост. и ред. Б. Энтин. М., 2003.
- Слезкин 2005 – *Слезкин Ю.* Эра Меркурия. Евреи в современном мире / Пер. с англ. С.Б. Ильина. М., 2005.
- Снопов 2009 – *Снопов Ю.* Евреи в Москве в период НЭПа // *История повседневности*. <http://www.el-history.ru/node/359>.
- Улицкий, Фельдман 2012 – *Улицкий Е.Н., Фельдман Д.З.* Евреи в Москве: конец XV – начало XX в. М., 2012.
- Франкель 2004 – *Франкель Д.* Российская империя и Советский Союз // *Евреи и XX век. Аналитический словарь* / Ред. Э. Барнави, С. Фридлиндер / Пер. с франц. под общ. ред. Т.А. Баскаковой. М., 2004. С. 515.
- Фрезинский 2008 – *Фрезинский Б.* Мозаика еврейских судеб. XX век. М., 2008.
- Хазан 2001 – *Хазан В.* Особенный еврейско-русский воздух. К проблематике и поэтике русско-еврейского литературного диалога в XX веке. М.; Иерусалим, 2001.
- Эстрайх 2015 – *Эстрайх Г.* Еврейская литературная жизнь Москвы. 1917–1991. М., 2015.
- Янгфельдт 2016 – *Янгфельдт Б.* Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг / Пер. А. Лавруши. М., 2016.
- Balcerzan 1968 – *Balcerzan E.* Bruno Jasioński i Włodzimierz Majakowski. Warszawa, 1968.
- Balcerzan 1968a – *Balcerzan E.* Styl i poetyka twórczości dwujęzycznej Brunona Jasiońskiego. Wrocław, 1968.
- Chessin 1921 – *Chessin S. de.* L'apocalypse russe: la Révolution bolchevique. Paris, 1921.
- Coyault 2008 – *Coyault S.* Giraudoux européen de l'entre-deux-guerres. Clermont Ferrand, 2008. P. 191–192.
- Estraiikh 2017 – *Estraiikh G.* Simulating Justice. The Blood Libel Case in Moscow, April 1922 // *Ritual Murder in Russia, Eastern Europe, and Beyond* / Ed. by E.M. Avrutin, J. Dekel-Chen, and R. Weinberg. Bloomington, Indiana, 2017.
- Jaworski 1995 – *Jaworski K.* Bruno Jasioński w sowieckim więzieniu: aresztowanie, wyrok, śmierć. Kielce, 1995.
- Jaworski 2003 – *Jaworski K.* Bruno Jasioński w Paryżu (1925–1929). Kielce, 2003.
- Jaworski 2009 – *Jaworski K.* Dandys. Słowo o Brunonie Jasiońskim. Warszawa, 2009.
- Kato 2018 – *Kato A.* Nieznana wersja *Pałę Paryż* Brunona Jasiońskiego // https://www.academia.edu/37047671/Nieznana_wersja_Pal%C4%99_Pary%C5%BC_Brunona_Jasie%C5%84skiego_forthcoming.
- Kitrasiewicz 2005 – *Kitrasiewicz P.* Morand – Jasioński. Pojedynek na miasta // *Jasioński B. Pałę Paryż. Morand P. Pałę Moskwę*. Warszawa, 2005.

- Kokovtsoff 1931 – *Kokovtsoff W.M.* Le bolchevisme à l'œuvre: la ruine morale et économique dans le pays des Soviets. Paris, 1931.
- Krzyżylkiewicz 2006 – *Krzyżylkiewicz A.* The Grotesque in the Works of Bruno Jasiński. Bern, 2006.
- Sarkany 1968 – *Sarkany S.* Paul Morand et le cosmopolitisme littéraire: suivi de trois entretiens inédits avec l'écrivain. Paris, 1968.
- Sawicka 1982 – *Sawicka J.* «Na skrzyżowaniu dwóch wrogich epok» – Bruno Jasiński // *Poeci dwudziestolecia międzywojennego / Pod red. I. Maciejewskiej.* T. 1. Warszawa, 1982.
- Stępień 1974 – *Stępień M.* Od anarchizmu futurysty do rewolucji społecznej – Bruno Jasiński // *Prozaicy dwudziestolecia międzywojennego / Pod red. B. Farona.* Warszawa, 1974.
- Szałagan 1994 – [Sz. A.]. Jasiński Bruno // *Współcześni polscy pisarze i badacze literatury. Słownik biobibliograficzny / Opr. zesp. pod red. J. Czachowskiej i A. Szałagan.* Warszawa, 1994. T. 3. S. 395–400.
- Thiebaut 1962 – *Thiebaut M.* Paul Morand, l'amour et la vitesse // *Thiebaut M. Entre les lignes.* Paris, 1962. P. 107–129.
- Three Cities of Yiddish 2017 – *Three Cities of Yiddish: St. Petersburg, Warsaw and Moscow / Ed. by G. Estraikh and M. Krutikov.* Oxford, 2017.
- Warsaw 2015 – *Warsaw. The Jewish Metropolis. Essays in Honor of the 75th Birthday of Professor Antony Polonsky / Ed. by G. Dynner and F. Guesnet.* Leiden; Boston, 2015.
- Węgrzynek 2000 – [H. W.]. Jasiński Bruno // *Cała A., Węgrzynek H., Zalewska G. Historia i kultura Żydów polskich. Słownik.* Warszawa, 2000. S. 131.
- Żebrowski 2003 – [R. Ż.]. Jasiński Bruno // *Polski Słownik judaistyczny. Dzieje – Kultura – Religia – Ludzie / Opr. Z. Borzymińska, R. Żebrowski.* Warszawa, 2003. T. I. S. 662–663.

Jewish Theme in Prose of Capitals Fire-Raisers: Paul Morand and Bruno Jasiński

Victoria Mochalova (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
E-mail: vicmoc@gmail.com
ID ORCID: 0000-0002-3429-222X

Abstract: French writer Paul Morand's story «I Burn Moscow» (1925) served as an impetus for the novel «I Burn Paris» (1928) by the Polish writer Bruno Jasiński. With all the obvious differences between the two works (the story and the novel), they are brought together by some significant topics. The article deals with a Jewish theme that plays a

significant role in both plots, with different strategies of Jewish characters (assimilation, or exodus).

Keywords: Paul Morand, Bruno Jasienski, revolution, Jewish assimilation and isolationism

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.2.1

References

- Balcerzan E. Bruno Jasiński i Włodzimierz Majakowski. Warszawa, 1968.
- Balcerzan E. Styl i poetyka twórczości dwujęzycznej Brunona Jasińskiego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968.
- Burmistrov K., ed. Moskva evreiskaia. Moscow, 2003.
- Chessin S. de. L'apocalypse russe: la Révolution bolchevique. Paris, 1921.
- Coyault S. Giraudoux européen de l'entre-deux-guerres. Clermont Ferrand, 2008. P. 191–192.
- Dynner G., Guesnet F., eds. Warsaw. The Jewish Metropolis. Essays in Honor of the 75th Birthday of Professor Antony Polonsky. Leiden; Boston, 2015.
- Entin B., ed. Polveka evreiskogo teatra. 1876–1926. Antologija evreiskoi dramaturgii. Moscow, 2003.
- Estraikh G. Evreiskaia literaturnaia zhizn' Moskvy. 1917–1991. Moscow, 2015.
- Estraikh G. Simulating Justice. The Blood Libel Case in Moscow, April 1922 // Ritual Murder in Russia, Eastern Europe, and Beyond / Ed. by E.M. Avrutin, J. Dekel-Chen, and R. Weinberg. Bloomington, Indiana, 2017.
- Estraikh G., Krutikov M., eds. Three Cities of Yiddish: St. Petersburg, Warsaw and Moscow. Oxford, 2017.
- Frankel D. Rossiiskaia imperiia i Sovetskii Soiuz // Evrei i XX vek. Analiticheskii slovar / Ed. by E. Barnavi, S. Fridlender. Moscow, 2004. P. 515.
- Frezinskiy B. Mozaika evreiskikh sudeb. XX vek. Moscow, 2008.
- Ivanov V. Russkie sezony teatra "Gabima". Moscow, 1999.
- Ivanov V. GOSET: politika i iskusstvo. 1919–1928. Moscow, 2007.
- Jaworski K. Bruno Jasiński w sowieckim więzieniu: aresztowanie, wyrok, śmierć. Kielce: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1995.
- Jaworski K. Bruno Jasiński w Paryżu: (1925–1929). Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2003.
- Jaworski K. Dandys. Słowo o Brunonie Jasińskim. Warszawa, 2009.
- Karabchievskiy Yu. Voskresenie Maiakovskogo. Moscow, 1990.
- Katsis L.F. Vladimir Maiakovskii. Poet v intellektual'nom kontekste epokhi. Moscow, 2000.
- Kazovski G. Khudozhniki Kul'tur-Ligi. Pamiati Gersha Bentsionovicha Ingera. Moscow, 2003.
- Khazan V. Osobennyi evreisko-russkii vozdukh. K problematike i poetike russko-evreiskogo literaturnogo dialoga v XX veke. Moscow; Jerusalem, 2001.

- Kitrasiewicz P. Morand – Jasieński. Pojedynek na miasta // Jasieński B. Pałę Paryż. Morand P. Pałę Moskwę. Warszawa, 2005.
- Kokovtsoff W.M. Le bolchevisme à l'œuvre: la ruine morale et économique dans le pays des Soviets. Paris, 1931.
- Krzychylkiewicz A. The Grotesque in the Works of Bruno Jasieński. Bern: Peter Lang, 2006.
- Lvov-Rogachevskiy V. Russko-evreiskaia literatura. Moscow, 1922.
- Markish Sh. Russko-evreiskaia literatura: predmet, podkhody, otsenki // Novoe literaturnoe obozrenie. 1995. № 15.
- Markish Sh. Babel i drugie. Kiev, 1996.
- Mochalova V. Julian Tuwim, Aleksander Wat, Bruno Jasenski: drama pol'sko-evreisko-russkogo pogranich'ia kul'tur // Russko-evreiskaia kul'tura / Ed. by O. Budnitsky, O. Belova, V. Mochalova. Moscow, 2006. P. 127–157.
- Mochalova V. Istselenie, spasenie, izbavlenie v evreiskoi traditsii i magicheskaiia praktika (evreiskii obriad kladbishchenskoi svad'by i ego slavianskie paralleli) // Narodnaia meditsina i magiia v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii. Moscow, 2007. P. 89–109.
- Perelmutter V. Ne preodolevshii formalizm (poeziia Semena Kirsanova) // Arion. 2006. № 1.
- Sarkany S. Paul Morand et le cosmopolitisme litteraire: suivi de trois entretiens inedits avec l'ecrivain. Paris, 1968.
- Sawicka J. «Na skrzyżowaniu dwóch wrogich epok» – Bruno Jasieński // Poeci dwudziestolecia międzywojennego / Pod red. I. Maciejewskiej. T. 1. Warszawa, 1982.
- Slezkine Yu. Era Merkuriia. Evrei v sovremennom mire / Transl. by S.B. Il'in. Moscow, 2005.
- Snopov Yu. Evrei v Moskve v period NEPa // Istoriia povsednevnosti: <http://www.el-history.ru/node/359>.
- Snopov Yu., Klempert A., eds. Evrei v Moskve. Sbornik materialov. Moscow, 2003.
- Stemberger M. The Plague in Paris or Burning Cities: Bruno Jasienski versus Paul Morand // Rive Gauche. Paris as a site of avant-garde and cultural exchange in the 1920s. Vol. 144. Amsterdam; New York, 2010. P. 229–250.
- Stępień M. Od anarchizmu futurysty do rewolucji społecznej – Bruno Jasieński // Prozaicy dwudziestolecia międzywojennego / Pod red. B. Farona. Warszawa, 1974.
- Szałagan A. Jasieński Bruno // Współcześni polscy pisarze i badacze literatury. Słownik biobibliograficzny / Opr. zesp. pod red. J. Czachowskiej i A. Szałagan. Warszawa, 1994. T. 3. S. 395–400.
- Thiebaut M. Paul Morand, l'amour et la vitesse // Thiebaut M. Entre les lignes. Paris, 1962. P. 107–129.
- Ulitskiy E.N., Feldman D.Z. Evrei v Moskve: konets XV – nachalo XX v. Moscow, 2012.
- Vaiskopf M. Vo ves logos. Religiiia Maiakovskogo. Moscow; Jerusalem, 1997.

- Węgrzynek H. Jasieński Bruno // Cała A., Węgrzynek H., Zalewska G. Historia i kultura Żydów polskich. Słownik. Warszawa, 2000. S. 131.
- Yangfeldt B. Stavka – zhizn'. Vladimir Maiakovskii i ego krug / Transl. by A. Lavrusha. Moscow, 2016.
- Zinger L.Z. Dvizhenie evreiskogo naseleniia SSSR // Voprosy biologii i patologii evreev. 1928. № 2.
- Zolotonosov M. M/Z, ili KATAMORAN. Rasskaz Polia Morana «Ia zhgu Moskvu» // Zolotonosov M. Slovo i Telo: Seksualnye aspekty, universalii, interpretatsii russkogo kulturnogo teksta XIX–XX vekov. St. Petersburg, 1996. P. 161–189, notes: p. 209–333.
- Żebrowski R. Jasieński Bruno // Polski Słownik judaistyczny. Dzieje – Kultura – Religia – Ludzie / Opr. Z. Borzymińska, R. Żebrowski. Warszawa, 2003. T. I. S. 662–663.